Сергей Гаврилов

ОСТЗЕЙСКИЕ НЕМЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ МЕЖДУ ШЛЕЗВИГОМ И ГОЛЬШТЕЙНОМ

1710—1918

Сергей Львович Гаврилов

Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710-1918

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645355
Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710–1918: Центрполиграф; М.:; 2011
ISBN 978-5-227-02434-3

Аннотация

В книге рассказывается о роли выходцев из прибалтийских земель в российской истории от начала XVIII века до начала XX века, о значении Северной столицы в становлении эстонского народа, в его социальном и политическом развитии от германской провинции Эстляндия до государства Эстония. Сведения, приводимые автором, позволяют объективно оценить и вклад эстонцев в экономику и культуру Российской империи, и положительное взаимовлияние двух наций в материальной и духовной сферах. Трактовка исторических событий в книге часто расходится с общепринятой исторической традицией.

Стиль изложения легкий, ироничный, что, несомненно, выгодно отличает эту книгу от скучных наукоподобных исследований.

Содержание

От автора 8
Часть I 17
Глава 1 19
Глава 2 37
Глава 3 63
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Сергей Гаврилов
Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710–1918

От автора

«Ревель и Рига как бы просились сделаться новой столицей России… Но когда Ревель и Рига сделались русскими городами, город Санкт-Петербург существовал уже семь лет, на него было уже истрачено столько денег, положено столько труда, а по причине Котлина острова и Невы с ее четверным устьем он представлял такое выгодное и обольстительное для ума преобразователя положение, что уже поздно было думать о другом месте для новой столицы».[1]

Тем не менее Петербург строился по лекалам милой сердцу Петра бюргерской германской цивилизации, готовым примером которой был расположенный рядом Ревель. Неспроста любимой женщиной Петра, его женой, царицей, впоследствии – царственной преемницей Екатериной стала простая «чухонка» Марта, родившаяся в Тарту (Эстония) и воспитанная в Алуксне (Латвия). В жилах всех царей от Елизаветы Петровны до Николая II текла отчасти и «чухонская» кровь.

Дорога из Петербурга в Ревель начиналась у Екатерингофа и заканчивалась у Екатериненталя, подчеркивая именем Екатерины связь двух городов, на развитии которых в 1710—1918 годах сказывались одинаковые факторы: рези-

---

[1] *Белинский В. Г.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. II. Текст цитируется по сайту: http: // az.lib.ru./b/belinskij.

денция российских правителей, окно в Европу, военно-морская база, промышленные предприятия, связанные с флотом. Из Эстляндии Петербург импортировал готовые институты, Петру I они казались олицетворением европейского прогресса: бюргерско-цеховые структуры (гильдии), дворянское губернское самоуправление (рыцарские корпорации). Отсюда в Петербург переселялись целые купеческие династии (напр., Крамеры, Вольфы, Витте). Из среды остзейских дворян цари получали своих самых преданных и исполнительных слуг – потомки тевтонских рыцарей, разбитых Александром Невским на льду Чудского озера, составили костяк российской имперской государственной машины (напр., первый министр граф Б. Миних, основатель жандармского корпуса и первый руководитель III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии граф А. Бенкендорф, канцлер князь А. Горчаков, по матери – фон Ферзен и др.). Через Эстонию проникала в Петербург немецкая светская ученость, в том числе многие яркие представители российской академической мысли (напр., академик Струве), путешественники (напр., И. Крузенштерн), даже художники (напр., Г. Х. Гроот), и, наоборот, в Эстонии, на курортах Хаапсалу, а потом и Усть-Нарвы, следуя традиции, заложенной царями Александром I и Николаем I, искали отдохновения представители петербургской государственной и художественной элиты (напр., Державин, Чайковский, Лесков). Навстречу, из Петербурга, проникал в Эстонию свет

православия, чтобы потом вернуться обратно. Именно Эстонии суждено было стать хранительницей православной традиции, которая родила и передала в нужное время России ее главного пастыря, уврачевавшего многие раны атеистической эпохи – патриарха Алексия II.

Северное море
Ольборг
Орхус
Дания
Северный
Шлезвиг
Южный
Шлезвиг
Киль

Схематическая карта Шлезвига и Голъштейна.

Эта книга – не энциклопедический справочник. Скорее – попытка показать роль выходцев из прибалтийских губерний в петербургском периоде российской истории от начала XVIII века до начала века XX. И заодно – роль Петербурга – Петрограда-Ленинграда в истории Эстонии. Здесь нет хронологически строго последовательного изложения фактов. Пожалуй, это сборник биографических набросков, поданных на фоне истории России с XVIII по XX век.

Остзейских дворян, сыгравших выдающуюся роль в вестернизации России, я называл для простоты эстляндцами. Географические названия приводятся в русской традиции на базе немецких, в скобках даются соответствующие современные топонимы. Кроме того, я попытался отразить исключительную роль Петербурга в становлении эстонского народа, его социальном и политическом развитии, которое привело к возникновению государства Эстония на месте исторической германской провинции Эстляндия. Хотелось соединить повествование с путеводителем, указать хотя бы некоторые адреса, где происходили события, упомянутые в книге, потому что «архитектура тоже летопись мира, она говорит тогда когда молчат и песни и предания» (Н. В. Гоголь). Наконец, местами я сознательно разбавлял сухость материала живостью скрытых цитат из русской классической лите-

ратуры. Сознательно не претендую на исчерпывающую полноту представленного материала. Трактовка исторических событий в книге часто отличается от общепринятой в российской исторической традиции и исторической мифологии. Вместе с тем я старался не просто упомянуть события в Петербурге, главными участниками которых были выходцы с территории современной Эстонии, но расшифровать их внутреннюю логику.

Мыза Гарк (эст. Харку). Современный вид. Июль 2010 г. Фото автора.

Надо сказать, что в работе над книгой мне самому приходилось часто удивляться, как много центральных фактов из русской истории оказались связаны с интересами этих самых выходцев, и прежде всего немаловажная составляющая часть парадигмы исторического развития Российской империи, которую можно для краткости охарактеризовать: «Между Шлезвигом и Гольштейном».

Пожалуй, здесь уместно напомнить: «Шлезвиг-Гольштейн (Schlesuig-Holstein), земля в Германии. 15,7 тыс. км2. Нас. 2, 7 млн чел. (1995 г.). Адм. ц. – г. Киль. Первонач. 2 самостоят, части – герцогство (с XI в.) Шлезвиг (Ш.) и графство (с XII в.; с 1476 герцогство) Гольштен (Г.); в 1386 г. объединены под властью графов Г. С 1460 г. в персональной унии с Данией (Г. с 1815 г. одноврем. чл. Герм, союза). В результате Дат. войны 1864 г. Г. перешел под управление Австрии, Ш. – Прусии, после австро-прус. войны 1866 г. Ш.-Г. прус, провинция. По плебисциту 1920 г. Сев. Ш. В составе Дании» (Большой Российский энциклопедический словарь. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2007).

Начало и конец сосуществования Эстляндии и Петербурга в рамках Российской империи мистическим образом сопряжено с двумя русскими императрицами, биографически связанными с Эстонией. Символично, что в Таллине сохранились памятники архитектуры, связанные с обеими женщи-

нами, при этом памятником правления Екатерины I в Таллине служит дворец, памятником эпохи Марии Федоровны – эпитафия… Одна стояла за немецкое княжество Голынтейн против Дании, отнявшей у Голынтейна Шлезвиг. Другая была за Данию против Германии, захватившей Шлезвиг. Эта борьба дорого стоила России.

Императрица Екатерина I втянула Россию в 1725 году в вековую феодальную распрю датских королей и их ближайших родственников герцогов Голштинских на стороне Голынтейна. Этот старинный спор датчан между собой тянулся с переменным успехом с XIV века. Не раз в XVIII веке Голштинские герцоги, по совместительству – русские цари, потомки Екатерины I, собирались воевать с Данией за Шлезвиг до последнего русского солдата, дважды – в 1725 и 1762 годах – доходило до открытого конфликта. Можно сказать, доминантой русской внешней политики XVIII века был вопрос о Шлезвиге. Три раза трон переворачивали в Петербурге, все из-за Шлезвига. Так и не давал покоя Шлезвиг Петербургу, пока Екатерина II в 1767 году не распутала этот злосчастный клубок. Шлезвиг вместе с Голынтейном отдали Дании, герцогов Голштинских пересадили в княжество Ольденбург по соседству и отделили их от русской короны. Во главе Ольденбурга поставили племянника несчастного Петра III – воспитанного в Таллине принца Петра Фридриха Людвига. Русским царям осталось право почетного родства и покровительства. Ну и титул впридачу – все русские цари,

начиная с Павла I, именовались герцогами Шлезвиг-Голштинскими и Ольденбургскими.

Итак, Россия в 1700 году вступила в Северную войну. На захваченной у шведов территории Прибалтики царь построил новую столицу, нашел новую жену и нужные ему кадры для реформирования страны. В сентябре 1710 года русский осадный корпус под командованием голштинского уроженца генерала Боура осадил Ревель. 29 сентября представители осажденной крепости, делегаты от шведского гарнизона, эстляндской дворянской корпорации (рыцарства) и городского управления подписали акт капитуляции на мызе Гарк (эст. Харку), на основании которого провинция Эстляндия переходила в подданство к русскому царю. Взамен ей гарантировалось автономное самоуправление и восстановление имущественных прав помещиков, значительно подорванное предыдущими действиями шведского правительства. Так Эстляндия присоединилась к России.

Часть I
Екатерина Алексеевна. С Гольштейном против Дании за Шлезвиг

Глава 1
Интрига

Эстляндские дворяне стекаются в Петербург. – Граф Ферзен валяется пьяный в канаве.

Когда Петр I основал в 1703 году Петербург, он прорубил окно в Европу. Когда в 1710 году он присоединил к Петербургу еще и Таллин с Ригой, то распахнул ворота в Европу настежь. Ну и стоит ли удивляться, что в распахнутые ворота «по Балтическим волнам» в Россию хлынули не только товары в обмен на лес и сало (аналоги теперешних нефти и газа), но и разнообразные европейские интриги, в которых России отводилась роль хорошо если младшего партнера, а чаще всего объекта применения. Первую такую интригу, определившую судьбу России на много десятилетий вперед, завязали при непосредственном участии дворянской корпорации эстляндского рыцарства. Во время Северной войны датский король воспользовался случаем, чтобы герцогство Шлезвиг у Гольштейна отнять. Россия должна была помочь голштинским герцогам вернуть Шлезвиг под свою власть.

Герцог Голштинский Карл Фридрих был племянником Карла XII и его самым очевидным наследником. Он жил и воспитывался в Швеции. Карл XII придерживался, как теперь говорят, нетрадиционной сексуальной ориентации и об-

ществу женщин предпочитал общество хорошеньких мальчиков (случайно или нет, но из числа эстляндских дворян), и соответственно своих детей не имел. В 1718 году Карл XII погиб при невыясненных обстоятельствах при осаде датской крепости Фридрихсгалль (ныне крепость Фредрикстен в норвежском городе Халден). Герцог Голштинский уже готовился взойти на шведский трон, так как предполагал, что место шведского короля ему гарантировано уважением к воле Карла XII. Напрасно генерал-фельдмаршал Дюкер, уроженец мызы Мейрис (эст. Мяяри), настаивал, чтобы он активно вступил в действия для закрепления своих прав. «Узнав о смерти дяди, молодой этот принц, убитый горестью, заперся в своей палатке. Напрасно те из генералов, которые были преданы ему, старались добиться возможности говорить с ним. Дюкер умолял фаворита его Ренсдорфа уговорить принца явиться перед армиею и уверял, что заставит немедленно провозгласить его королем. Ренсдорф входил к своему государю, но вышел от него с ответом, что он неутешен и не может ни с кем говорить. „В таком случае, – сказал Дюкер, – пусть будет что будет"… Льстецы, которые всегда обманывают государей и их любимцев, уверили Карла-Фридриха и Ренсдорфа, что шведский народ обожает потомка Густавов, рожденного и воспитанного среди его. В этой уверенности неопытный принц не предпринимал ничего, думая, что гораздо более возьмет горестью о потере героя, чем желанием скорее завладеть его престолом. Такое

промедление было спасением для шведской свободы. Иначе как осмелилась бы она поднять голову против монархической власти в виду короля, провозглашенного армиею и уже вступившего во все права своего предшественника?»[2]. Словом, прокатили герцога – шведский трон ему не достался. Нашлись в Швеции более могущественные силы, чем армия. Тут он снова впал в горесть и стал послушным орудием в руках интриганов. Когда, казалось, пропало все – и Шлезвиг, и шведская корона выскользнули из рук, комбинаторы европейской политики поспешили на помощь.

---

[2] *Бассевич Г.-Ф.* Записки, служащие в пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 369.

CAROLUS
FRIDERICUS
Carl Friderich.
Erbe zu Norwegen / Herzog zu

Герцог Карл Фридрих Голштинский.

Внезапно царь Петр I стал склоняться к миру со Швецией в пику союзнице Дании. «Для этого он решился воспользоваться комбинацией, предложенной некогда первым министром Швеции Герцем, – содействовать кандидатуре герцога Голштинского в качестве преемника Карла XII и выдать за него замуж одну из дочерей. Герцогу были сделаны от имени царя следующие предложения: „Его королевское высочество без промедления приедет в Россию и отдаст свою участь в руки царя; он сочетается браком с одною из царевен; царь не заключит мира без действительного восстановления Шлезвига и Голштинии и уступит герцогу, как скоро он прибудет в С. – Петербург, Ливонию и Эстонию, созвав в то же время сословия обеих провинций и предложив им избрать его своим государем". Шведы горели желанием снова присоединить эти области к своей короне, а потому обеспечением для герцога их обладания ему открылся верный путь к престолу (шведскому)»[3]. Путем такой комбинации царь приобретал мощную державу в союзники, высокородного родственника в зятья, а через него и наследника в собственной стране – внука, которого он расчитывал воспитать достойным продолжателем дела германизации и бюргеризации России.

За кулисами этой «интриги» стояли представители эст-

---

[3] Там же. С. 379.

ляндского дворянства, вернувших себе земельные владения, отобранные шведской властью, с помощью Петра I, но желающих оставаться все-таки подданными шведского короля. Эту партию для простоты можно назвать «голштинцами». «Голштинцы» занимали ключевые посты в шведской придворной иерархии и очень сплоченно действовали в Петербурге, особенно через царицу Екатерину I, той, несомненно, очень хотелось видеть свою дочь королевой шведской. К числу наиболее видных представителей «голштинцев» можно отнести кланы фон Штакельбергов, фон Левенов, фон Розенов, фон Врангелей, фон Ферзенов, Сталь фон Гольштейнов, фон Вахтмейстеров – как говорится, какие все имена!

Луи Каравакк. Портрет царевен Анны Петровны и Елизаветы Петровны.

В1721 году герцог прибыл в Петербург в сопровождении своего двора и оставался здесь 5 лет. «Герцог держал приличный двор, имел посланников при всех королевских дворах Европы, при многих дворах германских и, наконец, содержал большое число бедных шведских офицеров, которые называли себя и действительно могли быть его привер-

женцами»[4]. К «бедным шведским офицерам» надо отнести, прежде всего, уроженцев прибалтийских губерний, видевших в герцоге своего нового государя и заступника в петербургских коридорах власти. Во главе герцогского двора находился первый министр Хеннинг Бассевиц, ему и приходилось содержать всю эту ораву и проталкивать интересы своего сюзерена. «Бедные шведские офицеры» составляли «голштинскую» партию в России: эстляндские дворяне, у кого в родственниках были высокопоставленные сановники шведского королевства, на них герцог Голштинский расчитывал опереться в борьбе за шведский трон и за Шлезвиг.

Ф. Берхгольц, камергер герцога Голштинского, вел дневник, куда скрупулезно и бесстрастно записывал все подробности пребывания герцога в Петербурге. В записи от 6—7 апреля 1723 года рисует типичную картинку времяпрепровождения «бедных шведских дворян» в Петербурге и главную цель их устремлений. «Приехавшие сюда накануне шведский генерал-майор Сталь и брат его, бывший лифляндский ландрат, были в этот день у его высочества с визитом и потому обедали у него вместе с генерал-лейтенантом Штакельбергом и молодым двоюродным братом его, Штакельбергом из Лифляндии. За столом пили-таки, но не слишком много… 7-го <апреля> герцогу представлялись молодой шведский камергер граф Вахтмейстер и зять его, полковник Розен (один из величайших фаворитов покойно-

[4] Там же. С. 382.

го короля, человек, как говорят, превосходнейший и честнейший)… Оба этих господина, только вчера приехавшие из Лифляндии, явились в Петербург с тою же целью, которая вызвала сюда всех уже прибывших или находящихся еще в дороге лифляндских дворян, именно чтоб просить об утверждении за ними их поместий и хлопотать при здешнем дворе еще о некоторых других предметах, касающихся до последних».[5]

Что же представляли из себя эти «бедные шведские офицеры», которые пили, ели и весело проводили время у голштинского герцога в Петербурге и заодно хлопотали в пользу своих эстляндских имений? Думаете, какие-нибудь безногие шведские капитаны Копейкины приехали униженно милости просить?

Упомянутый генерал-лейтенант Карл Адам фон Штакельберг – это достойнейший из достойнейших. Последний шведский губернатор острова Эзель (эст. Сааремаа), шведский барон. В 1722 году он женился на графине Бонде, племяннице оберкамергера герцога Голштинского. Эта женитьба и вывела его на роль неофициального главы партии «голштинцев» в России. Генерал-поручик шведской службы, он перешел в русское подданство и незамедлительно был утвержден Петром I в том же звании русской армии. При шведах

---

[5] *Берхгольц В. Ф.* Дневник. 1721—1725 гг. Текст на сайте воспроизводится по изданию: «Неистовый реформатор». М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. http://www.voslit.info.

он владел имением Пиддул (Пидула) на острове Эзель (Сааремаа) и десятком других имений на материковой части Эстонии. Ему и ходатайствовать не пришлось – имения были ему возвращены автоматически.

А. Владимиров. Невский проспект в петровское время. 1903 г. Из частной коллекции.

Отто Вильгельм Сталь (фон Гольштейн), тот самый, что пил со Штакельбергом, «но не слишком много», – тоже на капитана Копейкина не тянет. Представитель виднейшего эстляндского семейства на службе шведских королей. Конечно, милостями был не обделен и в Швеции. Шведский барон, генерал-майор. Имения в Эстляндии у него как у шведского подданного да высокого рангом военачальника враждебного войска реквизировали русские власти во время вой-

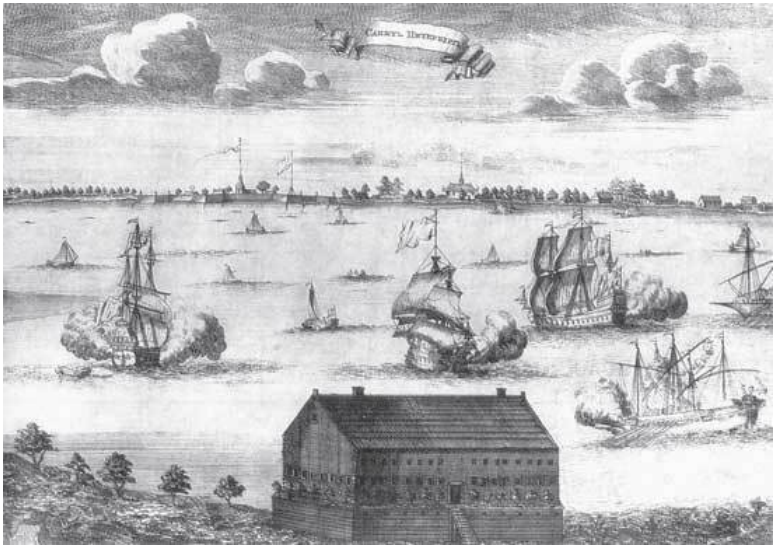
ны. Но теперь герцог Голштинский в Петербурге – почти наследник престола Российской империи. А барон Отто был доверенным лицом вдовствующей герцогини Голштинской, его матери. Доставлял письма Карла XII к сестре. Да такую заслугу – может ли наследник русского трона забыть? А отец его – Якоб Сталь фон Гольштейн, инженер-генерал шведской армии? Сколько крепостей против русских построил! А брат Богуслав – шведский фельдмаршал? Такому человеку в Петербурге царицы Екатерины Алексеевны всегда рады были. Отто Вильгельм Сталь фон Гольштейн – кандидат достойный если не в русские министры, то в камергеры принцессы Анны Петровны обязательно. Ну и мызы, конечно, вернули. Не ему самому, но племяннику. А в министры второго племянника определили потом – штатс-конторой заведывать, то есть расходами российского государства.

Господский дом мызы Ания близ Ревеля. Июль 2010 г. Фото автора.

Третий из упомянутых, шведский граф Аксель Вильгельм фон Вахтмейстер, приехал в Петербург «отыскивать» в свою пользу имение Ваемла на острове Даго (эст. Хийумаа). Сын шведского генерал-адмирала, племянник президента шведской военной коллегии, говоря современным языком, министра обороны Швеции. Многочисленные источники дружно называют Акселя Вахтмейстера самым любимым партнером короля Карла по утехам в постели – можете представить себе

объем милостей, которыми графа Акселя фон Вахтмейстера осыпали… Впоследствии он, впрочем, женился на дочери первого министра, графине Бассевиц. Такого человека герцог не мог не осчастливить своим вниманием. «Граф Бонде прочел нам распоряжение, по которому граф Вахтмейстер назначался камергером, с тем чтоб по старшинству ему считаться моложе Брюммера и старше меня <Берхгольца>, потому что Брюммер еще в шведской службе был старше его; я же, как уж сказано выше, подчинился этому распоряжению по желанию герцога. В 10 часов мы пошли к его королевскому высочеству, который вручил графу Вахтмейстеру камергерский ключ»[6]. И в просьбе камергера его шведского королевского высочества герцога Голштинского – разве могла царица Екатерина Алексеевна отказать? Отдали Вахтмейстерам половину острова Даго в наследственное владение, хотя продолжали они оставаться иностранными подданными.

[6] Там же.



П. Пикарт. Санкт-Петербург. 1704 г.

Следующий «бедный шведский офицер» в числе ходоков к герцогу Голштинскому в Петербург – Густав Фредерик фон Розен (1688, Ревель – 1769, Стокгольм), основоположник шведского графского рода фон Розен. Именно он сопровождал Карла XII в бегстве после битвы под Полтавой, за храбрость отмечен королем и произведен в генерал-адъютанты. Отобрали у него русские военные власти имение Зонорм (эст. Роосна) в Эстляндии за его подвиги во славу шведского короля. Но – онже еще в 1716 году назнача-

ется вице-директором шведского адмиралтейства, обер-комендантом крепостей Карлскрона и Карлсхамн. В 1722 году произведен королевой Ульрикой в генерал-майоры, и карьера его только начиналась. Впоследствии получил титул барона (1731 г.) и графа (1751 г.) Шведского королевства, назначен генерал-губернатором Финляндии – от русских оборонять. Такого человека – как же могли обойти милостью в Петербурге в 1723 году? Вернули имения, пусть не ему лично – брату. Брат – ландрат Ганс фон Розен – был в дальнейшем реальным правителем Эстляндии при номинальных русских генерал-губернаторах. «До 1755 года гражданских губернаторов в Эстляндии не было, и она управлялась генерал-губернаторами при непосредственном содействии вице-губернаторов… Но так как почти все эти генерал-губернаторы большею частью не жили в Эстляндии, а находились в Петербурге, или в другом месте при иных еще обязанностях, то самою губернею, на время отсутствия их, заведывали обыкновенно вице-губернаторы, коими и были: 1) Барон Фридрих фон Левен. 2) Ландрат, барон Ганс фон Розен…».[7]

Подобных ходоков насчитывались сотни. Всем герцог помогал, никому не отказывал. Сложнее всего ситуация с имением сложилась у шведского графа Ганса фон Ферзена. Сын шведского генерал-фельдцейхмейстера, то есть главно-

---

[7] *Годунов В. И.* 1710—1910 гг. Краткий очерк истории Эстляндии к 200-летнему юбилею завоевания ее Россией. Ревель, 1910. Текст приводится по сайту: http: //www genealogia.ee.

командующего артиллерийскими войсками, сам высокопоставленный шведский военачальник (генерал-поручик, бывший шведский комендант Нарвы), зимой 1722 года тоже прибыл в Петербург «отыскивать» свое поместье Маарт (эст. Маарду). А поместье-то царь конфисковал в пользу жены. Можно ли даже помыслить, чтобы назад свое имение требовать – у кого, у самой царицы! – а вот поди ж ты: «Презабавно было смотреть, как шведский граф Ферзен возился с старым обер-прокурором Писаревым, с которым в этот день всюду разъезжал и везде садился рядом: он постоянно уговаривал его пить, между тем как тот вовсе не был расположен отвечать ему. Граф приехал сюда отыскивать чего-то в пользу своих поместий и потому мастерски подделывается к старым русским и называет братьями всех прокуроров и секретарей, из которых этот обер-прокурор главный; к тому же с последним он только и может еще несколько объясняться, потому что тот в Германии научился немного говорить по-немецки…Когда герцог хотел ехать домой, подошел обер-прокурор Писарев и просил его оказать ему милость – заехать в этот вечер еще на минуту и к нему. Хотя его королевское высочество во весь вечер не очень-то был доволен им за множество затруднений… однако ж не хотел отказать ему… и потому поехал к нему с своею свитою и с графом Ферзеном, даже посадил его в свои сани. По приезде нашем туда нас угощали разными фруктами в сахаре, из которых почти ничего нельзя было есть, и дочь хозяина, де-

вушка лет 15 или 16, но с виду еще очень глупая и простая, должна была, по здешнему обычаю (вместо своей больной матери), разносить всем и каждому сперва водку, потом вино…». Шутка ли – сначала водку, потом вино… Не мудрено, что далее «граф Ферзен был навеселе и приставал к герцогу, чтобы еще куда-нибудь ехать… причем Ферзен выпросил себе позволение ехать с его высочеством в одних санях и быть у него кучером. Но эта затея едва не кончилась очень дурно: в то самое время, как мы скакали довольно быстро, навстречу нам попались какие-то сани, и он опрокинул его высочество на таком скверном месте, что легко могло случиться большое несчастье. Сани упали на сторону графа, и он попал под них, так что его сначала *приняли за шинель* и оставили в этом положении, тем более, что сани свалились с деревянной мостовой в яму глубиною локтя в полтора, где шинель как раз накрыла его. Все мы немало перепугались».[8]

Приняли валявшегося без чувств в петербургской придорожной канаве пьяного графа, председателя стокгольмского надворного суда, за шинель… О темпоро, о морес! Ну и что вы думаете – водка ли с вином помогли, или герцог – а отыскал-таки граф Ферзен свою пользу. Сенат издал указ, чтобы реквизированную в пользу императрицы мызу Маарт под Ревелем у графа казна *выкупила.* Получилось, что у него

---

[8] *БерхгольцВ. Ф.* Дневник. 1721—1725 гг. Текст на сайте воспроизводится по изданию: «Неистовый реформатор». М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. http://www.vostlit.info.

мызу не отняли, но он ее добровольно продал.

Граф Ферзен вернулся довольный в Швецию. Сын сего веселого графа Аксель фон Ферзен был инициатором создания партии Шляп в Швеции – политического крыла «голштинцев». Внук же оказался доверенным лицом французской королевы Марии Антуанетты (некоторые упорно называют их любовниками) и до последнего боролся, чтобы спасти ее от гильотины. Впрочем, это уже другая история другой страны…

Глава 2
Из грязи в графы-1

Эстляндские родственники Екатерины Алексеевны.

Родство имело исключительное значение в традиционных обществах, особенно с имущественной стороны. Король Сигизмунд гарантировал эстляндцам права наследования до пятого колена – по мужской линии среди законнорожденных потомков. Например, скончался какой-нибудь граф Остен-Сакен. А у него детей нет. И братьев нет. И у его отца братьев нет. И у деда братьев нет. Докажешь, что ты его родственник не дальше пятиюродного брата, – получишь его имущество по наледству. А то и титул.

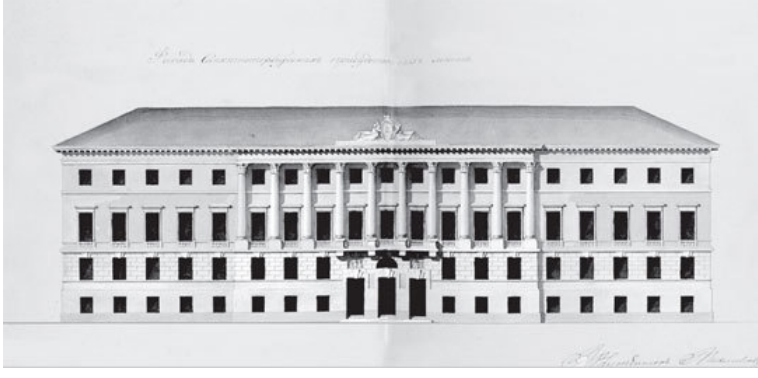
Став в 1712 году законной супругой Петра I и царицей, Екатерина Алексеевна неизбежно начинает покровительствовать своим родственникам. Как не порадеть родному человечку? Но собственных родителей, родных братьев и сестер она не помнила, поскольку сызмальства росла в доме пастора Глюка. Поэтому первым объектом родственного попечения стали «родственники» царицы по линии семьи пастора. У пастора было двое сыновей – Кристиан Бернард и Эрнст Готлиб. Названные братья царицы. Могли Глюки стать виднейшими сановниками империи, но не стали – что даже

странно. Ранняя смерть благодетельницы помешала.

По линии Кристиана Бернарда в состав русской знати вошли Фитингофы из имения Коссэ (эст. Вийтина) и Гельмерсены из имения Дукерсгоф (эст. Каммери). Пусть по женской линии, но легло на них счастье стать родственниками царского дома. Иван Федорович (Отто Герман) фон Фитингоф был очень богат, владел многими поместьями по всему остзейскому краю. Прибрал к рукам даже Мариенбург (лат. Алуксне) – город, где прошло детство Екатерины Алексеевны. За богатство и влияние его прозвали «полукоролем» Лифляндским. Вызванный Екатериной II в Петербург в 1787 году, он был назначен главным директором медицинской коллегии, то есть, говоря современным языком, министром здравоохранения.

Обычаи того времени требовали (а средства барона позволяли) возведения особняка в столице империи. Он и построил его, да по проекту придворного архитектора Дж. Кваренги, да и не где-нибудь, а на углу Гороховой улицы и Адмиралтейского проспекта – с видом на Зимний дворец. Одно слово, полукороль. Роскошь, которой окружил себя этот вельможа, приводила современников в трепет. Архитектор дерптского университета И. В. Краузе, посетивший Фитингофа в Петербурге в 1790 году, так передавал свои восторженные впечатления от посещения жилища екатерининского министра: «Только здесь я понял, что такое роскошная опочивальня. Ротонда, великолепная кровать в нише… осо-

бенно же прекрасны огромные зеркала, отражающие все, что возлежит на этом ложе; наслаждению служат здесь всевозможные средства. То же самое и в бельэтаже, вплоть до находящегося там туалета…».[9]



Фиксационный чертеж (начала 1840-х гг.) фасада особняка И. Ф. Фитингофа.

«Полукороль» Лифляндии, руководитель остзейского масонства, как водится у просвещенных людей, очень увлекался магией и покровительствовал небезызвестному шарлатану Калиостро. Дочь его Барбара-Юлиана, воспитанная в соответствующем духе, стала впоследствии знаменитой пропо-

---

[9] Цит. по: *Тайнуллин М., Бобылева В.* Эстонская Пушкиниана. Таллинн, 1999. С. 286.

ведницей мистицизма – гремучей смеси гернгутерского благочестия и иллюминатского мракобесия. Баловалась она и предсказаниями. Рассказывают, что в этом доме она однажды имела видение: по стенам ее комнаты будто бы стекала кровь. В ужасе она сбежала из своего шикарного будуара на первый этаж, и привиделось ей, что и там на полу стоят лужи крови. В чем-чем, а здесь в предвидении ей не откажешь. Спустя сто лет с небольшим ее латышские земляки действительно залили здание кровью, когда Ф. Э. Дзержинский выбрал здание под штаб-квартиру чекистов.

Особняк И. Ф. Фитингофа (дом губернских присутственных мест). 1790 г., арх. Дж. Кваренги. Фото 2008 г.

Портрет Б. Ю. Криденер с сыном, 1784 г. Фрагмент

репродукции с портрета Ангелики Кауфман.

Родоначальнику петербургской ветви рода Гельмерсен посчастливилось быть братом – будьте внимательны – первой жены Кристиана Бернарда Глюка, старшего сына пастора. Поэтому-то Гельмерсены из Дукерсгофа (эст. Каммери) считались в родстве с Романовыми, что гарантировало им место в составе высшей знати империи. Отто Фридрих Гельмерсен (1728—1785), «племянник» Екатерины Алексеевны, был назначен наместником Эзельским и жил в аренсбургском замке на положении почти что главы отдельного государства. Среди представителей династии выделяется Григорий Гельмерсен – выдающий русский геолог, директор Горного института в Петербурге. Гельмерсены к началу XX века обрусели. Как настоящие русские интеллигенты остались в 1917 году Петрограде «слушать музыку революции» – и для чего же? Чтобы сгинуть на Беломорканале… Василий (Вильгельм) фон Гельмерсен – филолог, художник-силуэтист, обожал Пушкина. Он пытался выжить при новой власти, но – «вычищен» в 1929 году из Академии наук и препровожден на Соловки. «В бараке для актеров помещалось до ста человек. Здесь жили и работники редакции газеты „Перековка". Среди них были исключительно интересные люди: литераторы, философы, ученые. Особенно запомнился художник Гельмерсен Василий Васильевич – бывший библиотекарь царя, маленький, худенький старичок лет 90, всегда

улыбающийся, приветливый, остроумный, энергичный. Он когда-то был почетным членом разных заграничных академий, магистр, доктор-филолог, свободно владел многими иностранными языками, потрясающе знал историю всех времен и народов, мог часами наизусть цитировать главы из Библии, декламировал Державина, Пушкина, Блока и еще вырезал ножницами из черной бумаги стилизованные силуэты из „Евгения Онегина": Татьяна, Ольга, Ленский… С закрытыми глазами!»[10]. Как, однако, далеко зашло за два века жизни Гельмерсенов в России их погружение в русскую среду. Не перековать было даже на ударной стройке строительства социализма. Библию и Пушкина цитировал Василий Васильевич. Ну и расстреляли его в 1937 году. К юбилею поэта, так сказать.

Катарина фон Бон, жена петровского министра обороны (урожд. Рейтерн), и супруга пастора Глюка, приемная мать императрицы (урожд. Рейтерн). Обе из Риги. Обе из купеческих голштинских семей. Чем не подходящая кандидатура в родственники? Что ж, стали и Рейтерны крупными русскими аристократами. Министр финансов Михаил Христофорович фон Рейтерн унаследовал купеческую жилку своих предков. Стал министром финансов в труднейшее пореформенное время. Только-только кончилась неудачная Крымская война. Крестьян освободили из крепостной зависимо-

---

[10] *Дворжецкий В. Я.* Пути больших этапов. Текст приводится по сайту: http: // www. dvorjetsky.ru.

сти. В России капитализм надвигается: банки, тресты, биржевые игры. Ничего, кажется, справился «Егор Гайдар» своего времени.

Говорили, император Александр III не взлюбил Михаила Христофоровича как эстляндского немца за то, что он критиковал затраты на войну с Турцией в 1877—1878 годах. Когда Рейтерн сказал ему, что не может найти средства на войну, Александр, тогда еще наследник престола, писал: «И это называется русский министр финансов, понимающий интересы и достоинство России, да к черту этого поганого немца. Слава Богу найдется на матушке России из 8 000 0000 жителей хотя один министр финансов настоящий!» Ну, конечно, нашелся – и еще какой настоящий и, может быть, даже русский – а именно Самуил Грейг, внук адмирала, похороненного в Ревельском Домском соборе.

Замок наместника Эзельского Современный вид. Фото автора.

Саркофаги адмиралов И. Крузенштерна и С. Грейга в Домском соборе в Таллине под сенью Андреевского флага. Саркофаг С. Грейга выполнен по эскизу Дж. Кваренги.

Строптивого министра из «поганых немцев» переместили на должность… премьер-министра. Графский титул получил от императора. Состояние позволило наследникам возвести в эстляндской глуши замок в стиле британских королевских резиденций (а-ля Балморал). Пережила эта громада и революции, и войны. Сейчас замок стоит пустой, разрушается. В маленькой Эстонии никому не по карману содержать такие замки.

Или вот еще история воплощенной русской мечты. Буссо Фредеричи (позднее фамилия трансформировалась в Фридерици), происхождения туманного, бухгалтеру то ли из Италии, то ли из Германии повезло вовремя приехать в Петербург и здесь жениться на дочери «генеральши фон Бон», урожденной Рейтерн. Ее только-только царской родственницей признали. Отсюда, понятно, ее супругу один шаг до эстляндского дворянства и пара шагов до генеральского звания. Вот так бухгалтер и стал русским генерал-поручиком. Так делались карьеры при царице Екатерине Алексеевне, и при дочери ее Елизавете Петровне. Раз попавши в придворную обойму, очень трудно из нее выскочить.

Замок в поместье Алатскиви. Современный вид. 2005 г. Фото автора.

Представитель следующего поколения Ермолай Карлович Фридерици, уже, понятно, эстляндский дворянин плюс герой кругосветного плавания и войн с Наполеоном, назначается комендантом царской резиденции в Павловске. С 1820 по 1869 год – почти 50 лет! – распоряжался он в городе как директор и комендант. Трудно перечислить все объекты, которые появились в городе его радением, упомяну лишь Никольские ворота, библиотеку Марии Федоровны[11], Павловский вокзал. Каждый день видеть царя, императрицу, истину им с улыбкой говорить – о погоде там, о видах на урожай. Дети вместе в парке играют. Идиллия. Волей неволей, а к XX веку и породнишься. Испытания революции проверяют преданность слуг. Вдова его внука в 1918 году в Ялте вышла замуж за великого князя Андрея Александровича, и дети Фредерици росли в доме великих князей.

«Названых» сестер у царицы Екатерины Алексеевны было несколько. Вместе с ней они попали к русским в плен. Не забыла Екатерина и их тоже. Пополнили состав высшей русской знати их потомки. Елизавете Глюк посчастливилось выходить замуж, когда Екатерина Алексеевна уже стала офици-

---

[11] См., напр., письмо Марии Федоровны управляющему Павловским городовым правлением Е. К. Фридерици: «Ермолай Карлович! Апробовав сделанный архитектором Росси план и фасад надстройки предполагаемой при Павловском дворце над расписанною декоратором Гонзагом Галлерею, для помещения там Главной моей библиотеки, я прошу приступить немедленно к производству работ, дабы в скорейшем по возможности времени привести сию надстройку к окончанию», http://www.allmuseums.spb.ru.

альной царицей в России и вошла во вкус роли благодетельницы. В 1715 году она выдала Елизавету за русского морского капитана французского происхождения Никиту Вильбоа (Франсуа Гийом де Вильбуа).

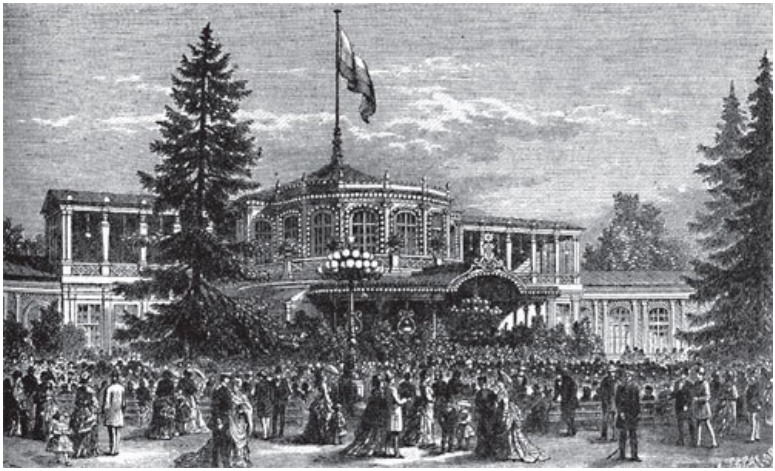
Свадьбу «названой» сестры царицы праздновали в императорском дворце, Елизавету Вильбоа произвели в статс-дамы петербургского двора, а Никита Вильбоа пошел вверх по карьерной лестнице. Кристине Глюк, «матери» царицы, на радостях выделили мызу Айа (эст. Ахья) в Дерптском уезде. Как пишет Гельбиг, «Вильбуа обладал горячей кровью и приятностью своей нации, но, кажется, не отличался ни особыми познаниями, ни заслугами»[12]. Действительно, трудно сказать, какие реальные победы или заслуги имел он на военно-морском поприще. Тем не менее Никита Петрович пробыл на русской службе почти 50 лет, благополучно пережив четырех царей, смены политического курса и прочее. В чине вице-адмирала он вышел в отставку около 1747 года с поста командира Кронштадтского порта и уехал в имение тещи Айя (Ахья), где дожил до глубокой старости. С его именем связывают «Записки Вильбуа», или «Анекдоты о российском дворе». Они состоят из пяти частей, в которых рассказывается много интересных деталей о жизни российского общества при Петре I, и в первую очередь о судьбе его близких (царицы Евдокии Лопухиной, Екатерине I и Алексан-

---

[12] *Тельбиг Г. фон.* Русские избранники. М., 1999. С. 80. Текст приводится по сайту: http://mikvl.narod.ru.

дре Меншикове). Семейство Вильбоа прочно укоренилось в Эстляндии и Лифляндии, и его представителям довелось оказать немало услуг своим землякам благодаря связям в Петербурге.

Нет конца этим счастливым облагодетельствованиям. Кого замуж выдали, кого имением наградили, кого в генералы произвели. Там и Нироды, и Кошкули, и Липгарты, и Криденеры… Если до пятого колена считать, то, почитай, половина эстляндского рыцарства в родственниках у царской семьи окажется. И это только по линии Екатерины Алексеевны! Пока речь шла только о пожалованиях, о распределении наград и должностей, все было красиво, в стиле мексиканских сериалов. Но родство – еще и политический инструмент чудовищной силы. Народ в России доверчивый до легковерия. То в чудесно спасшегося царевича Дмитрия поверит, то в царя Петра Федоровича. А тут – царица-чужестранка, семьи не помнит. Таит такая неопределенность опасности для престола. Того и гляди родственники найдутся какие-нибудь неподходящие. Например, муж. Появился один претендент на родство из пленных шведов, некто Крузе Иоганн – будто бы признал в Екатерине свою неверную женушку. Случилось это в 1710 году, Екатерина еще не стала царицей, но уже была матерью Анны и Елизаветы, поэтому муженька, подлинного или мнимого, быстро отправили в Сибирь, где он и сгинул.



Здание Павловского вокзала. (Не сохранилось).

Павловск. Никольские ворота.

В 1724 году состоялось обручение дочери Петра I и Екатерины Алексеевны Анны Петровны и герцога Голштинского. В том же 1724 г. Швеция заключила с Россией договор о дружбе, в котором обе страны обязались содействовать возвращению герцогу Шлезвига. Зачем еще Швеции с Россией дружить, кроме как ради Шлезвига? Герцога признали «королевским высочеством» в Швеции: решением Рискдага зафиксировали права Карла-Фридриха на титул, пенсию и на престолонаследие. Казалось, все шло по намеченному плану. Россия вот-вот войдет в состав герцогства Голштинского, объединится со Швецией и Шлезвиг будет отвоеван у ненавистной Дании соединенными силами обоих государств.

И тут случилось чудо. В 1724 году «нашлись» наконец кровные родственники Екатерины. По сравнению с этой историей воссоединения родных, разлученных почти сразу после рождения, любые мексиканские сериалы – просто детский лепет. Дело было так: будто бы некий польский путешественник разглядел в пьяном кучере на одном из постоялых дворов Курляндии такое сходство с русской императрицей, что незамедлительно сообщил об этом куда следует. Кучера захватили, допросили – и из рассказов пьянчужки стало доподлинно понятно, что он-то и есть самый что ни на есть родной брат царицы. Кучера звали Карл, и был он сыном некоего Самуила Скаврона, беглого слуги Владислава Сапе-

ги, минского воеводы. Тот как раз готовился породниться с князем Меншиковым, и это обстоятельство, похоже, стало решающим аргументом в пользу истинности предложенной версии. Выходило, что царица Екатерина Алексеевна, она же Марта Самуиловна Скавронская, – дочь беглого слуги, и по законам того времени хозяева могли претендовать на свою утраченную собственность.

Сам автор исторических анекдотов Н. Вильбоа или его анонимный публикатор, поведавший миру эту душещипательную, но малоправдоподобную историю, называет чудесное обретение императрицей Екатериной братьев и сестер «интригой», то есть вымыслом, – и это уже тем более вероятно, что нам известно умение поляков находить к своей выгоде родственников царской семьи, будь то Лжедмитрий или княжна Тараканова. Вопрос лишь в том, против кого была направлена интрига. Возможно, авторы интриги стремились скомпрометировать низким происхождением невесту и отвратить тем самым герцога Голштинского от намеченного бракосочетания. Возможно, в этом деле были как-то замешаны корыстные интересы светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова.

Господский дом мызы Айя (эст. Ахья). Построен в конце 1740-х гг. Предположительно по проекту Б. Растрелли. Современный вид.

Но царь Петр незамедлительно поверил словам кучера, повелел привезти его в Петербург, встретился сначала сам с ним, затем привел на встречу Екатерину. «Беседа происходила у амбразуры окна, где царица, сидя в кресле, слышала все, что говорилось. Царь, по мере того как бедный Скавронский отвечал, старался привлечь внимание государыни, говоря ей с видом притворной доброты: „Екатерина, послушай-ка это! Ну как, тебе это ни о чем не говорит?" Она ответила, изменившись в лице и заикаясь: „Но…". Царь перебил ее: „Но если ты этого не понимаешь, то я хорошо понял, что этот человек – твой брат". „Ну, – сказал он Карлу, – целуй сейчас же подол ее платья и руку как императрице, а затем обними ее как сестру"»[13]. Екатерина, которая осталась сиротой в двухлетнем возрасте и была воспитана чужими людьми, естественно, не могла помнить никого из своих кровных родственников. Но она не могла не повиноваться, если сам Петр повелел ей считать этого незнакомого мужика своим братом. Через Карла, видимо, вышли на других родственников, их Екатерина и знать не знала, и, вероятно, предпочла бы и дальше не знать.

---

[13] *Вильбуа Н.* Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1992. № 1.

В конце 1726 года Карла Скавронского, его жену, которую на русский манер стали называть Марией Ивановной, и их детей перевели в Петербург, где императрица «подарила ему роскошный и богато меблированный дом с окнами на Неву»[14] – на Миллионной улице. 5 января 1727 году кучер Карл и его потомство возводятся в графское достоинство Российской империи. Отзывы современников о графе Карле Скавронском и его жене «единодушны и однообразны: даже на фоне распущенного и вечно пьяного окружения Екатерины I они прослыли сугубыми пьяницами, а Мария Ивановна, как деликатно заметил историк Гельбиг, прославилась еще и „необузданными излишествами относительно мущин"».[15]

---

[14] *Балязин В.* Самодержцы. Любовные истории царского дома. М. Т. 1. С. 177.
[15] Там же.

CATHARINA IMPERATRIX
RUSSORUM

Екатерина I.

Провозглашение Екатерины I императрицей Всероссийской. Гравюра XIX в.

«Интрига» с обретением низкородных родственников Екатерины не отвратила герцога от намерения жениться на Анне Петровне. Интриганы целей не достигли. На кону – Шлезвиг и шведский трон. Подумаешь, дядя – простолюдин и пьяница. Вон, сам председатель стокгольмского надворного суда в канаве пьяный валялся. Однако, не дождавшись свадьбы, Петр I умер, не назначив преемника. По всем многовековым правилам трон должен был перейти к его единственному внуку Петру – сыну казненного царевича Алексея. По праву первородства. Но это могло означать крушение планов «голштинской» партии – всех бесчисленных «бедных шведских офицеров» и эстляндских «родственников» Екатерины Алексеевны по линии пастора Глюка. Настало время их решительных действий. На самого герцога, впрочем, никто уже не рассчитывал – он мог теперь спокойно запираться в палатке. Первый министр Гольштейна Х. Бассевиц организовал вооруженную демонстрацию в Петербурге в поддержку Екатерины Алексеевны. «Бассевиц был человек хитрый, искусный в интригах и предприимчивый: он составил план действия, подстегнул честолюбие Меншикова…»[16]. Даже фраза Петра I перед смертью «Отдайте все…» считается выдумкой Бассевица.

---

[16] *Устрялов Н. Г.* Русская история до 1855 года. Петрозаводск, 1997. С. 522.

В конце концов, провозгласили новой правительницей России Екатерину Алексеевну с титулом императрицы. Фактически это был пусть и бескровный, но дворцовый переворот. Свадьба герцога была спасена. Бассевиц в награду получил титул графа, поместья в Эстляндии и незамедлительно зачислен в ряды эстляндского рыцарства. Герцог вскоре официально сочетался браком с царевной Анной и фактически становился правителем России, поскольку основная цель императрицы Екатерины I состояла в том, чтобы удержать трон в нужных руках до рождения внука, следующего герцога Голштинского.

Но Екатерина сделала больше – она активизировала действия против Дании. Шлезвиг стал главным объектом устремлений русской политики. Надолго. Императрица выдвинула «настоятельное требование о возвращении Шлезвига зятю и приказала вооружить мощный флот»[17]. В 1726 году в Ревеле сосредоточили русский десантный корпус, который предполагалось переместить на кораблях к Копенгагену. Однако Англия выслала эскадру в Балтийское море. В Европе создались две коалиции, и вопрос о Шлезвиге грозил перерасти в большую общеевропейскую войну. Императрица скончалась в 1727 году в разгар военных приготовлений, и обстановка разрешилась без военных столкновений. На этот раз. Но уже в 1725 году трудно было дать ответ на вопрос, кто кого присоединил – Россия Эстляндию или Эстляндия

[17] Там же. С. 524, 525.

Россию. Скорее уж Эстляндия присоединила Россию к Гольштейну

Глава 3
Административная реформа

В отечестве своем был писарь. Генрих Фик. – Эстляндское дворянское звание уравновешивает тяжкое обязательство жить в России.

У Петра, по мнению российских историков, замыслы были гениальные. Сложился даже стереотипный оборот речи – «по гениальному замыслу Петра»… Рискнем ли мы противоречить традиции? Итак, по гениальному замыслу Петра Россия должна была войти в состав герцогства Голштинского и объединиться под властью одного государя со Швецией. Это, в свою очередь, предполагало систему управления страной, унифицированную со шведскими стандартами. Старомосковские приказы явно не годились, требовалось что-то новое, прогрессивное, европейское.

Но царь столкнулся с проблемой, с которой сталкиваются все реформаторы в России, – нет готовых управленческих решений, нет также и квалифицированных кадров. Тут судьба в лице Хеннинга Бассевица, премьер-министра Гольштейна, как мы уже знаем, «человека хитрого, искусного в интригах и предприимчивого», представила царю «камералиста-практика» Генриха Клауса Фика. Что такое «камералист», да еще и «практик», современному человеку абсолют-

но точно понять трудно. В XVIII веке камералистами называли экономистов, состоявших на службе у немецких князьков и «изобретавших средства к умножению государственных доходов без отягощения подданных». В широком смысле слово «камералист» можно толковать как «управленец». Генрих Фик состоял на службе у голштинского герцога комиссаром в заштатном городишке, где он «отправлял юстицкие, экономические и полицейские дела», все сразу. В отечестве своем был, как говорится, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Петр I обрадовался: понятное дело, раз управился с «юстицкими, экономическими и полицейскими делами» в Экернферде (все слышали о таком?), то уж с Россией справится обязательно. И незамедлительно принял Фика на российскую службу.

Вообще-то Генрих Фик начинал свою служебную карьеру в Пернау (Пярну) квартирмейстером Лифляндского пехотного полка шведской армии. После разгрома шведов в Прибалтике в 1710 году он вернулся на родину в Голштинию и уже оттуда прибыл в Петербург по рекомендации Бассевица и по приглашению петровского уполномоченного генерала Вейде в 1715 году. То есть камералистской практике его от силы было лет пять стажа. Словом, уже надо готовиться к худшему. Вот-вот грянет скандал, гениальный замысел Петра провалится.

Замок Оберпален. (эст. Пыльтса-маа). Современный вид. Июль 2010 г. Фото автора.

Но подождите опасаться. Судьба делает крутой поворот – нет, Генрих Фик вовсе не становится канцелярской крысой в приказе, его направляют с тайной миссией и с датским паспортом для изучения системы государственного управления в Швецию. В Швеции он действует год, после чего вывозит в Россию «несколько сот регламентов и разных ведомостей»[18]. Не камералист, а прямо Штирлиц какой-то. Та-

[18] *Павлов-Сильванский Н. П.* Статья о Г. Фике в Русском биографическом словаре под редакцией А. А. Половцова, том «Фабер – Цявловский». Текст приво-

кая осведомленность достаточно мелкого иностранного чиновника в делах государственного управления, особенно в тайных, не вполне объяснима. Скорее всего, Генрих Фик играл роль всего лишь связного, в Швеции его ждали более высокопоставленные и осведомленные «камералисты-практики» (не обошлось, конечно, без «голштинцев»), они-то и снабдили его необходимыми сведениями.

Фику оставалось доставить документы в Петербург, что он выполнил блестяще, по легенде, спрятав их на всякий случай в складки платья своей жены. Платья тогда громоздкие были, широкие. Представляете, как шуршало платье бедной фрау Фик, когда она грузилась на корабль? В соответствии с его «разведывательными» данными и при его непосредственном руководстве в России в 1717—1720 годах осуществляется административная реформа в соответствии со шведскими образцами, в частности, введены коллегии в качестве центральных учереждений исполнительной власти, усовершенствована судебная система, введено территориально-административное деление на губернии и осуществлено много других полезных начинаний.

И здесь приходится признать, что недостаток практического опыта не отразился на деятельности камералиста в Петербурге. Очевидно, господин Фик обладал бесспорным организаторским талантом, поскольку фактически единолично осуществил глубокую реформу управления чужой, гигант-

---

дится по сайту: http://www.rulex.ru.

ской, неповоротливой страной. За заслуги Генрих Фик награждается дворянством и целой областью на территории современной Эстонии, включавшей 10 мыз, с центром в старинном замке Оберпален (Пыльтсамаа).

Если вам уже знакомы
Достопамятные томы,
В коих мудрый Карамзин,
Ученик бессмертной Клии,
Описал войны России
Средь Ливонии долин —
Вам известен Оберпален…[19]

Расположенный на полпути между Ревелем и Дерптом, Оберпален был некогда столицей средневекового Ливонского королевства, которое царь Иван Грозный выделил своему зятю герцогу Магнусу. В XVII веке здесь находилась резиденция шведского фельдмаршала Генриха Врангеля и его потомков. В общем – далеко не рядовое поместье. С историческим подтекстом. Но и Генрих Фик получил имение в благодарность за свершения, тоже далеко не рядовые. А кроме того, он де не желал присягать Петру и принимать российское подданство (отказался от «тяжкого обязательства остаться навсегда в России») просто так, но соглашался на это, если «будет принят за вассала государева» и ему «будут

---

[19] *Языков Н. М.* Чувствительное путешествие в Ревель. Текст приводится по сайту: http://www.yazikov.org.

пожалованы местности в Лифляндии или Эстляндии, и если он и его потомки будут пользоваться преимуществами лифляндского или эстляндского дворянства». На русское не соглашался, стервец, исключительно на эстляндское. Да оно и понятно – ведь сам Петр обещал передать в скором времени провинции в руки герцога, наследного принца шведского. Чтобы удержать камералиста, Петр удовлетворил все его просьбы. Из голштинского горожанина Г. Фик превратился в эстляндского помещика.

Это обстоятельство, кстати, сыграло с ним злую шутку, поскольку «амт Оберпален», пожалованный ему Петром I, до Северной войны принадлежал шведскому генерал-фельдмаршалу Дюкеру, оказавшему столь значительную поддержку герцогу. При помощи последнего большую часть земель Дюкеру возвратила царица Екатерина I. Остался Генрих Фик «с тяжким обязательством», но без Оберпалена.

Замок Оберпален (эст. Пыльтсамаа). Внутри крепости. Июль 2010 г. Фото автора.

Горька судьба реформатора в России, это вам могли бы подтвердить и Чубайс, и Гайдар. Вот так, стараешься, стараешься… Петр дал, а Екатерина отняла… Обидно, что с подачи своего же, герцога Голштинского. Чтобы как-то подсластить пилюлю, Екатерина I назначила Генриха Фика на должность вице-президента Коммерц-коллегии: раз камералист, то докажи на деле, что ты можешь на практике увеличить доходы казны «без отягощения подданных». А заодно и свои собственные. Фик доказал. Как сообщил Гельбиг, известный собиратель сплетен XVIII века, «его стараниями…ежегодный таможенный доход увеличился на 200 000 рублей» [20]. Он обладал несомненной коммерческой хваткой. Даже в сибирской ссылке, которая ему предстояла, занялся Фик торговлей и использовал для целей коммерции своих охранников.

Исключительная роль принадлежит Генриху Фику в послепетровских перестроечных комбинациях властных структур в России. «Мысль о необходимости учредить, для завершения коллегиальной реформы, „Высокий тайный совет", высказана была Фиком еще в 1723 году, в записке, поданной в сенат 9 ноября. Игравший в замысле верховников видную роль кн. Д. М. Голицын находился до известной степени в этом деле под влиянием Фика… Фик внушил ему, по собственному заявлению, расположение к лифляндским

---

[20] *Тельбиг Г. фон.* Русские избранники. М., 1999. С. 80. Текст приводится по сайту: http: http://mikvl.narod.ru.

правам и привилегиям и к шведской олигархической конституции»[21]. Речь шла о копировании административной структуры непосредственно из Гольштейна, где Верховный тайный совет нес на себе функцию канцелярии премьер-министра, а его председатель Хеннинг Бассевиц был фактическим руководителем страны при номинальном главе государства в лице герцога. По идее Г. Фика, Верховный тайный совет в России создавался для герцога Голштинского в качестве премьер-министра при императрице Екатерине I. «17 февраля Макаров объявил в Верховном тайном совете, что „ее величества соизволение есть, дабы его королевское высочество герцог Голштинский присутствовал в (Верховном тайном) совете, когда ему донесут, что бытность его потребна…" 23 февраля герцог явился в заседание Совета и просил о занесении в протокол заявления его, что он хочет быть принят в Совете как член и товарищ, что он не хочет и не может один сам собой ничего определять и брать на себя, но желает вместе с другими членами советом и делом служить благу ее императорского величества и общему; герцог просит членов Совета при каждом деле объявлять свободно и откровенно свое мнение, что будет ему особенно приятно, тем более что он в русских делах еще неопытен. Как бы то ни было, однако герцог, как член царского дома заняв пер-

---

[21] *Павлов-Сильванский Н. П.* Статья о Г. Фике в Русском биографическом словаре под редакцией А. А. Половцова, том «Фабер – Цявловский». Текст приводится по сайту: http://www.rulex.ru.

вое место, оттеснил светлейшего князя на второе»[22]. Не хочет и не может один сам собою ничего определять и брать на себя… Представляю, как всполошился светлейший князь Меншиков. Всплеснул, наверно, руками, приговаривая: «А не много ли ты на себя берешь?»

[22] *Соловьев С. М.* история россии с древнейших времен. т. 18. текст приводится по сайту: http://www.krotov.info.

ALEXANDER ALEXIEWITZ S.R.J.
Princeps Menschikof Sacrae Caesareae Maj. Admin

А. Д. Меншиков.

Анна Иоанновна.

Идея прижилась и, как часто бывает, пережила непосредственный контекст своего возникновения. Подброшенная Г. Фиком российским вельможам идея ограничения самодержавной власти в пользу олигархического совета, столь умело утвержденная в Швеции в 1720 году путем ликвидации несговорчивого Карла XII, стала отправным пунктом замыслов по ограничению самодержавной власти монарха некими кондициями, то есть условиями, на которых члены Верховного тайного совета пригласили в 1730 году Анну Иоанновну, герцогиню Курляндскую, на русский престол. «Составленные верховниками ограничительные пункты Фик читал вслух в своей коллегии, в присутствии чиновников, и радовался, говоря, что „российская империя ныне стала сестрицею Швеции и Польши"»[23]. Читал вслух… Эхе-хе. Как говаривал господин Фамусов: «Вот молодость!.. читать!.. а после – хвать!..». Анна Иоанновна пообтерлась в столице, затем кондиции публично разорвала, а тех, кто их поддержал, признала изменниками. За факт публичного чтения и похвалы кондиций Фика арестовали, осудили на «вечную ссылку» и отправили так далеко в Сибирь, что для его освобождения после воцарения Елизаветы только на поиски сосланно-

---

[23] *Павлов-Сильванский Н. П.* Статья о г. Фике в русском биографическом словаре под редакцией а. а. половцова, том «Фабер – цявловский». текст приводится по сайту: http://www.rulex.ru.

го ушло почти два года. Наверное, тогда Генрих Фик горько пожалел, что дал себя уговорить и принял «тяжкое обязательство остаться навсегда в России»…

Елизавета Петровна возвратила Генриха Фика из ссылки и вернула ему конфискованные поместья в Эстонии. «Дэн Сяо пин» петровских административных реформ и «серый кардинал» царствования императрицы Екатерины I в новую эпоху уже не вернул себе прежнего положения. Он поселился в замке Оберпален и занялся любимым занятием – коммерцией: основал несколько производств, включая мануфактуры по производству крахмала, стекла, выделыванию кожи. Замок зажил при нем новой жизнью, далекой, прямо скажем, от рыцарской старины и аристократических устоев.

Руины замка Оберпален (эст. Пыльтсамаа). Июль 2010 г. Фото автора.

Но камералиста век недолог. Тем более в России. Генрих Фик скончался в Оберпалене в 1750 году. От брака с Хеленой Крузе имел 5 дочерей. Они удачно вышли замуж и стали основательницами по материнской линии нескольких династий эстляндского и лифляндского дворянства – фон Фитингоф, фон Лилиенфельд, фон Бок. Поместье Оберпален он разделил между двумя младшими – Кристиной и Авророй. Внук Авроры Фик, в замужестве майорши Лау, Алек-

сандр Владимирович фон Паткуль станет другом детства императора Александра II и будет состоять в должности оберполицеймейстера Петербурга в начале 1860-х годов. Замок Оберпален в 1790-х годах перешел в собственность графа Бобринского, а от него – к князьям Гагариным. Они владели поместьем и замком вплоть до образования независимой Эстонской республики и реквизиции земельной собственности эстонскими властями в 1919 году. Дворец и церковь в замке были разрушены в ходе боевых действий в 1941 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.